

КРАСНАЯ ЗВЕЗДА

НАРОДНЫЙ артист РСФСР Василий Сергеевич Ордынский принадлежит к поколению фронтовиков, пришедших на студенческую скамью института кинематографии в первые послевоенные годы. Сейчас, когда киорежиссеру исполняется 60 лет, можно с полным основанием сказать, что военная тема стала определяющей в его творчестве.

Вот почему наш разговор, естественно, начался с воспоминаний о войне.

— Обычный московский школьник, я в начале июля 41-го года попал в отряд, строивший оборонительные сооружения к западу от Москвы, — говорит Василий Сергеевич. — В первый раз бомбежку мы приняли за грозу, и по наивности нам было просто интересно прислушиваться, как при ясном небе что-то гремело. Вскоре я имел случай убедиться, что и истории о диверсантах — не выдумки: напился из отравленного колодца и был отправлен домой. С августа стал курсантом артиллерийского училища. Узнавая из сводок о грозных событиях под Москвой, мы дружно писали рапорты, чтобы нас немедленно направили защищать родной город, и получали отказы. Быть может, тогда и началось постижение истины: если обстоятельства с нашими желаниями и планами не считаются, надо уметь психологически перестроить себя — в этом состоит подлинное понимание долга. Бесспорно, военная служба стала для меня школой жизни. Армия и война сформировали мой характер, мировоззрение.

Прежде чем стать командиром взвода, я должен был стать выносливым и умелым солдатом. Шесть месяцев учения были, пожалуй, самым тяжелым для меня периодом службы. Непросто оказалось привыкнуть к суровой дисциплине, физическим нагрузкам, войти в мир иных представлений о жизни.

Летом сорок второго младший лейтенант Ордынский был направлен в отдельный пулеметно-артиллерийский батальон. Его оружием стал тот самый легендарный «максим», который все мальчишки видели в фильме «Чапаев» и на который бегали смотреть в Музей Революции. Командуя на фронте взводом до января 43-го года, он узнал ратную страду, войну — работу, где, очень часто поспать и поесть некогда. В одном из боев его тяжело ранило осколком мины.

— Когда через полтора года я снова попал на фронт в отдельный моторизованный батальон особого назначения, — вспоминает режиссер, — вой-

на была уже другой, мы воевали на чужой территории, имея в активе не только опыт, но и более мощную технику. Мне довелось участвовать в форсировании Одера и закончить войну на Эльбе. На этом этапе нами уже не владело ощущение опасности,

сформировал его как художника.

Первые картины Ордынского на «Мосфильме» были посвящены темам сугубо мирным, они рассказывали о любви, молодежи, о поисках идеалов, жизненного пути («Человек родился», «Четверо»,

командиров и полководцев.

Кстати, в военных кинокартинах зрителю должно быть все понятно: кто наступает, кто обороняется, что произойдет в случае неудачи, и так далее. Нельзя в одном «маштабе» показывать ту и другую стороны, получится «шахматная

работы тогда доставлял огромное наслаждение. Постановщик и съемочная группа стремились донести глубину многопланового романа, за личными судьбами его героев показать судьбу страны, раскрыть горячую веру писателя в будущее Советской Отчизны.

Последняя крупная работа режиссера, удостоенная приза Министерства обороны СССР на XV Всесоюзном кинофестивале, — фильм «Через Гоби и Хинган» — посвящена малоизвестным в искусстве событиям заключительного этапа второй мировой войны в Азии. Съемки зачастую шли в сложных, близких к боевым условиям. В эпизодах картины, связанных острыми сюжетными линиями, изображены и ход крупной операции, осуществленной Советской Армией совместно с войсками МНР против японских милитаристов на Дальнем Востоке, и подлинная история разоблачения чудовищных бактериологических опытов, которые производились в стане врага, и мужество советских солдат, самоотверженность наших врачей.

Как в некоторых других своих картинах о войне, режиссер прибегает здесь к кинодокументу. Кадры Парада Победы в Москве, атомной бомбардировки Хиросимы приданы экранному рассказу особую эмоционально-публицистическую окраску.

Сейчас Ордынский — на подступах к съемкам новой картины.

— Нет, это не будет фильм о войне, хотя она не может не войти в рассказ о поколении, родившемся в начале 20-х годов, поколения моих сверстников, — сказал режиссер в конце нашей беседы. — Нам есть, что вспомнить — так назвали мы с Олегом Стукаловым свой сценарий. Он посвящен памяти Константина Симонова. Наш герой переживает острые ситуации, ставящие его перед серьезным нравственным выбором. Хочется выразить в этой картине тот оптимизм нашего общества, который помог нам с честью пережить труднейшие испытания суровой войны. Для меня осуществление нынешнего замысла станет чем-то принципиально новым, и я не смог бы взяться за него раньше — двадцать или даже десять лет назад.

Человек, работающий в искусстве, всегда черпает из своей памяти, обращается к своему эмоциональному опыту; но как это непросто — передать людям, зрителям многое, что хранит душа, чтобы они поверили ему всем сердцем...

Н. КОЛЕСНИКОВА.

Василий ОРДЫНСКИЙ:

«ВСЕ, ЧТО ХРАНИТ ДУША...»

«Сверстницы», «Тучи над Борском»).

— К военной теме сразу подойти не решился, — признается Василий Сергеевич. — Это было для меня слишком ответственно и серьезно. Огромный запас драматических фронтовых впечатлений, солдатского опыта требовал осмысления, отбора.

С начала 60-х годов тема героико-патриотического подвига воинов повсюду входит в творчество Ордынского. Кинематографическая судьба сводила его с писателями, бывшими фронтовиками корреспондентами К. Симоновым и Е. Воробьевым, с выдающимися советскими военачальниками Г. Жуковым, К. Рокоссовским, И. Коневым. Их жизненный и военный опыт, широта мышления будто раздвигали границы собственного мировосприятия режиссера. Что касается его симпатий в кино, то...

— Из всех картин о войне я больше всего люблю «Чапаева» Васильевых и «В огне брода нет» Глеба Панфилова, где, на мой взгляд, найдено художественное выражение сути гражданской войны. И время не сотрет яркости образов этих лент. Из масштабных батальных фильмов на меня сильнее впечатление произвели «Третий удар» Игоря Савченко и «Великий перелом» Фридриха Эрцлера — драматургической стратегии, замысла операции, меры ответственности

доска». В любой ленте, военной тем более, каждый кадр нужно рассчитать таким образом, чтобы было ясно, чьими глазами мы это видим. В фильме «У твоего порога» я хотел, чтобы зритель стал как бы восьмым в артиллерийском расчете, в картине «Если дорог тебе твой дом...» — почувствовал себя историком, исследователем, в «Красной площади» — соперничал двум основным героям, комиссару Амелину и бывшему офицеру, «военспецу» Кутасову. Редкая в этом фильме важную и обширную тему становления Вооруженных Сил Советской республики, мы пошли не по пути иллюстрации, реконструкции эпизодов исторической хроники, а воссоздания на экране духа времени, атмосферы эпохи, психологии поколения тех лет. Плодотворным было здесь сотрудничество с главным военным консультантом картины маршалом Коневым. Иван Степанович, к примеру, помог мне многое понять в чувствах и мыслях военачальника, на которого устремлены сотни глаз.

От произведения к произведению Ордынский брался за все более трудные творческие и постановочные задачи, обращаясь к великим странностям нашей истории. Он осуществляет давнюю мечту — экранизирует эпопею А. Толстого «Хождение по мукам». 13-серийный телефильм потребовал большого напряжения сил в течение семи лет. Но, по словам режиссера, сам процесс

